

Я страшный консерватор, особенно когда речь заходит о детективе.

Я всегда выбираю книги со всей серьезностью: долго хожу туда-сюда вдоль заставленных полок магазина, придирчиво читаю аннотацию, пролистываю несколько страниц из середины, внимательно разглядываю обложку, нюхаю свежееотпечатанные страницы, иногда пробую корешок на зуб. Просто я должна быть заранее уверена, понимаете?.. Чтобы не было никаких неприятных неожиданностей, а напротив, одни приятные: тайны, загадки, погони, перестрелки, любовь опять же. И — главное! — чтобы в финале зло оказалось наказано, а добро восторжествовало! А чего ради еще читать?..

Особенно бывает обидно, когда знакомые авторы вдруг «берутся за ум»: писал-писал, хорошо писал, отлично даже, всем нравилось, а потом какая-то высокоумная «достоевщина» начинается. Зачем?..

А вот моя любимая Евгения Горская из тех авторов, в которых можно не сомневаться. Принимаясь за ее новый детектив, можно быть твердо уверенным: вечер удастся на славу!

Горская — непревзойденный мастер интриги. Ей удается придумывать нетривиальные, захватывающие, многоходовые сюжеты. Я прекрасно знаю, как сложно придумать историю со множеством взаимосвязанных детективных линий. Они то расползаются в разные стороны, то норовят намертво спутаться, и выстроить их в стройную логическую цепочку порой просто невозможно. Но Евгения Горская без труда управляет с несколькими детективными нитями одновременно, превращая их в единый стройный, до мельчайших деталей выверенный рисунок сюжета. В своих романах она водит за нос, отвлекает, пускает нас — читателей — по ложному следу. И никак не разобраться в сюжетных перипетиях, пока сама Евгения все нам не объяснит. Читаешь — и дух захватывает!

Но что еще важнее, Евгения Горская сумела вычислить «золотое сечение» детектива — здесь в самый раз... всего: и страхов, и предательств, и приключений, и тайн, и любви, а это верный признак мастерства и опытности автора.

Татьяна Устинова

14 мая, вторник

Идти на похороны Игнату не хотелось. О старой учительнице Вере Сергеевне он до последнего времени вообще не помнил. Он даже не сразу ее узнал, когда старуха подошла к нему после встречи с избирателями.

Назвать Веру старухой было не совсем справедливо, женщина в свои шестьдесят с небольшим выглядела неплохо, но он слишком ее не любил, чтобы быть объективным.

Он еще со школы ее не любил — терпеть не мог рассуждений о добре и зле и прочей ерунде. Она должна была делать все, чтобы ученики хорошо сдавали ЕГЭ, а как ему следует жить, Игнат сам определял, без надоевшей училки. Впрочем, ЕГЭ ученики Веры сдавали хорошо, учителем она была неплохим, это все признавали.

Вообще-то он мог на похороны не ходить, но упускать возможность лишний раз покрутиться среди будущих избирателей нельзя.

Жизнь изменилась, когда пару месяцев назад ему неожиданно позвонил ректор и приказал:

— Зайди завтра в двенадцать. Разговор есть.

От звонка ректора Игнат обалдел. Его в университете не любили и опасались. Ректор был человеком

новым, к сближению с профессурой не стремился, и относились к нему, как к неизведанной внешней силе, вроде погоды за окном. Может засиять солнцем, а может обрушиться грозой.

До разговора оставались еще сутки, и за это время Игнат извелся.

— Кто это? — спросила Нина, когда он в задумчивости вертел умолкнувший телефон.

— Иван Николаевич, — пробурчал он.

— Кто?! — Подруга в изумлении выпрямилась на стуле, не решаясь поверить в услышанное. — Ректор?!

Игнат кивнул.

Нинка нахмурилась, закусил губу. Игнату показалось, что он видит, как в голове у нее закрутились винтики.

У него винтики тоже закрутились. До этого звонка ректор едва кивал ему, встречая в коридоре.

Назначить на должность завкафедрой его не могли, это было бы прямым вызовом всему коллективу. На кафедре было несколько профессоров, а Игнат только что защитил кандидатскую. У него даже ученого звания еще не было. Да и снимать с должности теперешнего завкафедрой вроде бы не за что.

Больше ничего хорошего ждать от встречи не приходилось, и в кабинет ректора он вошел, совершенно измучившись от страха.

Ректор посмотрел на Игната с любопытством. Сидевший рядом с хозяином кабинета мужчина тоже.

Разглядывали они его с минуту, после чего ректор кивнул:

— Садись.

Игнат подвинул ближайший стул, сел.

Иван Николаевич медленно встал из-за стола и принялся прохаживаться по кабинету, напомнив

Игнату Сталина из фильмов. Впрочем, Сталин не носил таких великолепных костюмов, какой облагал фигуру ректора, делая его почти атлетом.

— У нас для тебя предложение...

Ректор заговорил, и Игнат от изумления замер.

— ...Ты ведь вырос в том районе... всю жизнь там прожил...

То, что ему предлагали, казалось фантастикой. О том, что у правящей партии рейтинги ниже некуда, ни для кого секретом не было. Сейчас требовалось выдвигать молодых, не запятнавших себя связями с действующей властью. Игнат для этой роли подходил идеально. Молодой ученый, родившийся и живущий в старом московском районе. Простой парень из народа. Кто, как не он, станет отстаивать интересы жителей...

Ректор замолчал, сел. Игнат непослушными губами выговорил:

— Спасибо за доверие. Я... не подведу.

Теперь заговорил второй мужик. Этот вставать из-за стола не стал, а произнося тихие слова, смотрел мимо Игната.

Кончая фразу, мужик останавливал взгляд на Игнате, и тот послушно кивал. Он отлично понимал, что от него требуется — голосовать так, как скажут, ну и еще кое-какие указания исполнять. Если, конечно, он пройдет в городскую думу.

Когда он вышел из кабинета ректора, хотелось прыгать от радости. Прыгать Игнат не стал, только не удержался, подмигнул встретившейся профессорше. Профессоршу он ненавидел, она едва не провалила его защиту.

Тетка от изумления остановилась, а Игнат, не оглядываясь, пошел дальше.

Пожалуй, та минута была одной из самых счастливых в его жизни.

Идти на похороны не хотелось, но он достал из шкафа темный костюм, соорудил скорбную физиономию и критически оглядел себя в зеркало.

Отражение ему понравилось.

* * *

Народу на похоронах было много. Дана не сразу нашла стоявших отдельной группкой бывших одноклассников. То есть одноклассниц — никто из мальчиков пойти на похороны учительницы не пожелал. А может быть, они просто не знали о том, что учительницу несколько дней назад убили. Класс не был дружным, Дана в последнее время перезванивалась только с несколькими подругами, да и то нечасто.

О смерти Веры Сергеевны она узнала от Нины Коноваловой, в девичестве Ивашовой. Ивашова еще в школе отличалась удивительной информированностью.

— Вот ужас-то! — ахала Нина. — Пристрелили тетку, когда она прогуливалась в парке. Скоро станет страшно вообще из дома выйти.

О том, что бывшая учительница имела привычку гулять по утрам, Дана знала. Она несколько раз встречала Веру Сергеевну, спеша на работу, перекидывалась с учительницей парой дежурных фраз и бежала дальше.

Дана жила рядом, в соседнем доме. Когда-то весь класс жил поблизости, но за прошедшие десять лет почти все одноклассники разъехались. Она редко встречала кого-то на улице.

Девочки расступились, пустили Дану в свой кружок.

Потом она подруг потеряла. Все столпились около гроба, слушали дежурные речи. Знакомых учителей было немного, за прошедшие годы преподавательский состав успел сильно измениться. Рядом то появлялась, то исчезала Нина, шептала Данае в ухо, что сейчас выступает новая директриса, а заплаканная женщина рядом с гробом — Верина сестра.

Заговорившего после директрисы Игната Силантьева Дана узнала не сразу. Бывший одноклассник сильно изменился, из долговязого мальчишки превратившись в солидного уверенного мужчину.

— Игнат будет в думу баллотироваться по вашему округу, — шепнула появившаяся Нина и тут же опять исчезла.

Про грядущие выборы Дана, конечно, слышала, но кандидатами не интересовалась, потому что голосовать не ходила. Не из каких-то особых принципов, а так... Не ходила, и все.

Игнат закончил речь, наклонился к директрисе. В каждом жесте одноклассника сквозила спокойная уверенность. Директриса что-то зашептала, заглядывая Игнату в глаза.

Дождавшись своей очереди, Дана положила цветы в гроб и медленно пошла к выходу из морга. Игнат взял ее под руку у самых дверей.

— Как жизнь? — грустно улыбнулся будущий парламентарий.

— Нормально, — кивнула в ответ Дана.

— Я слышал, ты замуж вышла.

— Да.

— Работаете?

— Веду музыкальный кружок для малышей.

— О господи! — испугался Игнат. — А лучше ничего найти не смогла?

— Меня устраивает, — улыбнулась Дана. — Я люблю детишек. И режим свободный, сам понимаешь.

Работа действительно устраивала. Детский развивающий центр находился рядом, работа с детьми не утомляла, а зарплата, хоть и была копеечной, не смущала. Федор хорошо зарабатывал.

Игнат сильнее сжал ее локоть, проводил глазами заплаканную Верину сестру, опирающуюся на руку такой же старой женщины, и попросил:

— Побудь с родственницей. У тебя есть время? Я бы сам... но мне бежать надо.

Так и получилось, что Дана сначала поехала на поминки, а потом проводила женщин до двери Верининой квартиры.

Навязывать свою помощь не пришлось. В какой-то момент Верина сестра пошатнулась, Дана едва успела поддержать ее за руку. После этого Дана не оставила бы пожилую даму и без просьбы Игната. Несмотря на толпящихся рядом учителей, жавшиеся друг к другу старушки казались одинокими.

Злой Федор встретил ее гневными упреками.

— Почему так поздно? — шипел муж. — Почему на звонки не отвечала?

— Потому что выключила звук у телефона, — виновато улыбнулась Дана. — Я была на поминках.

— Ты понимаешь, что я волнуюсь?!

— Понимаю. — Дана прижалась к мужу. — Прости.

Федор, помедлив, неохотно ее обнял.

— Мне пришлось проводить Верину сестру. Не злись.

Муж тяжело вздохнул и обнял Дану сильнее. Он не умел долго на нее злиться.

Игнат не стал ее дожидаться, и это обидело. Впрочем, Нине так часто приходилось на него обижаться, что это успело стать нормой. Конечно, она никогда своих обид не высказывала, но и привыкнуть к ним не сумела.

Нина видела, как Игнат о чем-то поговорил с Данкой и быстрыми шагами направился к выходу с территории кладбища. Бежать за ним на глазах бывших подружек было совершенно невозможно, и Нина пошла к выходу медленно. Впрочем, могла бы и побежать, Дана стояла около Веринной родственницы и по сторонам не смотрела, а остальных девчонок вообще не было видно. Наверное, успели смотаться потихоньку.

Когда-то все они любили уроки Веры Сергеевны. Учительница умела превращать литературные обсуждения в веселые споры. Нина до сих пор удивлялась, когда кто-нибудь говорил, что литература — предмет скучный и даже ненужный.

Игнат так считал.

Но Игнат — это особый случай.

Его машины на стоянке не оказалось. Нина огляделась, заметила автобусную остановку и подошла к небольшой толпе, ожидавшей автобуса. Настроение было таким отвратительным, что она чуть не повернула назад, к моргу. Уж лучше вернуться в город вместе с Даной, чем лезть в автобус. Как будто она одинокая бабка, похоронившая всех своих близких.

Нина достала из сумки телефон, включила звук, и он тут же зазвонил.

— Ты где? — спросил Игнат.

— На автобусной остановке. — Она так обрадовалась звонку, что даже заулыбалась.

— Стой на месте, — велел Игнат. — Я сейчас подъеду.

Светлая «Тойота» появилась почти сразу. Нина быстро шагнула к машине, села рядом с бывшим одноклассником. Игнат, хмурясь, развернул машину и, слегка превышая скорость, поехал к МКАД.

На Нину он не смотрел. Он смотрел перед собой и сжимал губы.

Он всегда сжимал губы, когда о чем-то напряженно думал.

Нина подвинулась, чтобы лучше видеть себя в боковом зеркале. Она очень похорошела, перекрасившись в брюнетку. Раньше волосы у нее были русые, мышинные. Покраситься предложила знакомая парикмахерша. Нина хотела для прикола сделаться рыжей, а та уговорила сделать волосы потемнее и оказалась права. Из бесцветной мышки Нина превратилась в яркую брюнетку.

Данка ахнула, когда ее увидела. Нина думала, что подруга тоже немедленно сделает что-то со своими волосами, но Дана до сих пор не сменила ни цвет, ни стрижку. Впрочем, волосы чуть ниже плеч подруге шли.

Нина поняла, куда они едут, только когда Игнат свернул на знакомую улицу.

Бабка у него умерла лет пять назад, и с тех пор Игнат иногда привозил Нину в ее квартиру — нечасто, пару раз в месяц.

К себе домой он ее не пригласил ни разу.

Машина остановилась, Игнат молча вылез. Нина, вздохнув, выбралась следом.

В лифте они тоже ехали молча. В прихожей обнялись без слов, и даже потом, когда расслабленно лежали на широком диване, ничего друг другу не сказали. Раньше Нине это нравилось, они с Игнатом друг друга не обманывали, а честность она всегда ценила.

А сейчас почему-то стало грустно, даже тревожно.

Игнат подвинул руку, и Нина сняла голову с его плеча.

— Я пойду, — она села, повернувшись к нему спиной.

Игнат молча погладил ее по бедру.

Она ушла минут через десять, наспех ополоснувшись под душем. Игнат продолжал лежать, уставившись в потолок, только улыбнулся и подмигнул, когда Нина на прощанье кивнула ему, остановившись в дверях.

До метро — две автобусные остановки, но Нина не стала ждать автобуса, пошла пешком. Достала на ходу сигарету, закурила.

Вечер был теплым, почти летним. Свежая майская листва растущих вдоль дороги деревьев колыхалась с тихим шелестом. Впрочем, его заглушали едущие мимо автомобили.

Нина поискала глазами урну, увидела железный ящик у входа в аптеку и выбросила окурочек.

Свою квартиру она отпирала меньше чем через час.

— Устала? — вышел к ней муж. — Раздевайся, я ужин приготовил.

Нина прижалась к нему и прошептала:

— Спасибо, Коленька.

У нее был замечательный муж, и это она тоже ценила.